
Вопрос о концептуализации философии: Хайдеггер и Ласк

© 2022 г. Е.В. Мельникова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.*

E-mail: ek.melnikowa@yandex.ru

Поступила 22.06.2021

Статья посвящена анализу подходов к концептуализации философского исследования в проектах фундаментальной онтологии Хайдеггера и логики философии Ласка. Основанием для их сопоставления служит адаптация некоторых из понятийных средств философии Ласка в работах Хайдеггера. Разрабатываемый в статье подход продолжает наметившийся в исследовательской литературе анализ генезиса понятий фундаментальной онтологии, который предполагает обращение к ранним работам Хайдеггера и выявление значимых интертекстуальных связей, в число которых, несомненно, входит концептуальная связь философии Хайдеггера с трудами неокантианца Ласка. Цель данной работы состоит прежде всего в том, чтобы показать, что за указанной адаптацией понятийных средств кроется общее для обоих философов проблемное поле исследования, которое наиболее явно представлено в их метафилософских рассуждениях, связанных с проблемой формирования категорий философии. Для этого в статье рассматриваются наиболее значимые для данной проблемы идеи Ласка, такие как разграничение ролей конститутивных и рефлексивных категорий, принцип материальной определенности логических форм, категориальная затронутость «нечувственного» материала и др., а также такие понятия, как «значимость» (Geltung), «обстояние» (Bewandtnis), дотеоретические значения, момент ясности и др. При этом отмечается, что Хайдеггер усваивает указанные идеи критически, а также выстраивает собственную стратегию концептуализации бытийного вопроса на основаниях, методологически отличных от логики значимости Ласка.

Ключевые слова: Хайдеггер, Ласк, феноменология, смысл, значение, значимость, категория.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-2-158-168

Цитирование: *Мельникова Е.В.* Вопрос о концептуализации философии: Хайдеггер и Ласк // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 158–168.

The Question Concerning Conceptualization of Philosophy: Heidegger and Lask

© 2022 Ekaterina V. Melnikova

HSE University,
21/4, bld. 1, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: ek.melnikova@yandex.ru

Received 22.06.2021

The article is devoted to the analysis of approaches to the conceptualization of philosophical inquiry in the projects of Heidegger's fundamental ontology and Lask's logic of philosophy. The basis for such a comparison is the adaptation of some of the conceptual tools of Lask's philosophy in Heidegger's writings. The approach developed in the article continues the analysis of the genesis of concepts of fundamental ontology, outlined in the research literature. Such analysis involves referring to Heidegger's early writings and identifying significant intertextual connections, among which, undoubtedly, is the conceptual connection of Heidegger's philosophy with Lask's works. The purpose of this paper is primarily to show that behind this adaptation of the conceptual tools lies the area of research common to both philosophers, which is most clearly presented in their metaphilosophical reflections related to the problem of the formation of categories of philosophy. For this purpose, the article examines the most significant ideas of Lask for this problem, such as the differentiation of the roles of constitutive and reflexive categories, the principle of material determination of the logical forms, the categorial affectedness of non-sensible material, etc., as well as concepts such as validity (*Geltung*), material involvement (*Bewandtnis*), pretheoretical meanings, the moment of clarity, etc. At the same time, the paper states that Heidegger adopts these ideas critically, and also builds his strategy of conceptualizing the question of being on the basis, which is methodologically different from Lask's logic of validity.

Keywords: Heidegger, Lask, phenomenology, sense, meaning, validity, category.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-2-158-168

Citation: Melnikova, Ekaterina V. (2022) "The Question Concerning Conceptualization of Philosophy: Heidegger and Lask", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2022), pp. 158-168.

Необходимость концептуализации вопроса о смысле бытия определяется Хайдеггером в качестве главной цели его труда «Бытие и время». Трактат, однако, определенно демонстрирует итоги предшествующей работы, в результате которой была оформлена концептуальная структура фундаментальной онтологии, на что, в частности, указывает тот факт, что понятийный язык «Бытия и времени» непроницаем без экспликации круга проблем, к которым этот трактат отсылает. Так, Т. Кизиль замечает, что устранить пробел в публикации трудов Хайдеггера, предшествующих «Бытию и времени», то есть относящихся к периоду между 1915 и 1927 гг., удалось относительно недавно. Работа над изданием полного собрания сочинений началась только в 1976 г., в результате чего постепенно стал доступен ряд предваряющих написание трактата курсов лекций, в которых впервые получают свое развитие ключевые для фундаментальной онтологии проблемы [Kisiel 1995³, 1-2]. Публикация этих работ главным образом предоставила возможность рассматривать процесс формирования

понятий – развитие которого к тому же не останавливается на проекте фундаментальной онтологии в «Бытии и времени», – в его динамике, а также выявлять важные интертекстуальные связи. Ряд исследователей, в число которых входят Т. Кизиль, С.Г. Кроуэлл, И.М. Фехер, в связи с этим отмечает особое влияние на становление Хайдеггера работ неокантианца Э. Ласка. Становится очевидным, что до того момента, как философия Хайдеггера обретает свою узнаваемую концептуальную форму, представленную в «Бытии и времени», им осуществляется предварительная работа по адаптации многих философских понятий, почерпнутых им в том числе в трудах Ласка.

Влияние Ласка, однако, не исчерпывается чисто терминологическими заимствованиями: фактически подобный понятийный перенос предполагает также наличие общей исходной проблематики. В качестве таковой можно выделить составляющие неотъемлемую часть работ обоих философов размышления метафилософского характера, нацеленные на выявление истока специфической философской понятийности, которые обретают соответствующие формы учения о категориях философии. В данной работе нас будет интересовать главным образом вопрос о подходе к понятийному оформлению философии как содержательная проблема, которая как для Хайдеггера, так и для Ласка, представляет собой отдельную тему философского исследования.

Как известно, в рамках фундаментальной онтологии функциональным для формирования философских категорий является введенное Хайдеггером понятие онтологической дифференции, которое также принимает на себя функцию регионального разграничения между областью философии и областями других наук. Философия, согласно Хайдеггеру, подобно конкретным наукам, должна быть заужена до своей предметной области, внутри которой оправданное формирование философских категорий. «Смысл бытия, – пишет Хайдеггер, – требует своей собственной понятийности, существенно отличной от понятий, в которых достигает своей подобной смысловой (*bedeutungsmäßige*) определенности сущее» [Heidegger 1967, 6]. Онтологическая дифференция обозначает тот момент, что бытие, о смысле/истине которого идет речь в философском исследовании, нельзя редуцировать к области существующего. При этом понятийность философии не является теоретическим построением, под которое затем можно подвести сущее, она определяется на основании феноменологического подхода к бытию *сущего*.

У Ласка, в свою очередь, исходное размежевание, из которого философия черпает свою понятийность, проходит в произведенном изначально в логике Г. Лотце делении на регионы бытия и значения (*Geltung*). Сфера бытия у Ласка охватывает собой совокупность всех возможных в пространстве и времени предметов, она образует область «чувственно-созерцаемого», в то время как значимость составляет логический аспект существующего и образует область «несущего» и «нечувственного». Для того чтобы подчеркнуть разнородность этих сфер, Ласк использует введенный в философский язык Г. Лотце оборот «значить» или «иметь силу» (*das gilt*), выражающий особый статус действительности «значимого», о котором, в отличие от сущего, нельзя сказать, что оно «есть». При этом важно то, что, как и в онтологии Хайдеггера, понятие бытия у Ласка нельзя отнести к области сущего. Бытие наделяется формальным характером логического предиката сущего и потому является «несущим» (*Nichtseiendes*): «Бытие сущего уже принадлежит к числу значащего, а стало быть – к несущему» [Ласк 2017, 60]. На схожесть с тем, как затем формулируется это различие у Хайдеггера обращает внимание также И.М. Фехер: «Бытие у Хайдеггера есть, с одной стороны, “бытие сущего” (*Sein vom Seienden*), что значит, оно не располагается в области сущего в дополнение к нему, оно не есть род некоего наивысшего сущего <...> Если понимать бытие в мерности сущего, то оно может выступить только в качестве не-сущего, иными словами, в качестве ни-что (*No-thing*)» [Fehér 1992, 392].

Показательно, что первая модель онтологической дифференции в ранних работах самого Хайдеггера заключается в противопоставлении логически значимого области существующего. В своей диссертационной работе «Учение о суждении в психологизме»

Хайдеггер оставляет следующее примечание: «Значимое является той сферой, в которой я как фактический (aktuelles) субъект должен жить, для того чтобы знать нечто, знать как свое “что” (Was), так и “то, что” (Daß)» [Heidegger 1978, 166]. Именно сфера значимого дана в опыте непосредственно, она доступна в исходном простом понимании. Для понимания смысла, кроме того, не требуется посредствующих представлений, относящихся к области психических процессов субъекта. «Психические события», как указывает Хайдеггер, ничего не прибавляют к «значению»: «Простое представление, которое дает мне нечто предметное, дает мне не состав пред-ставленного, не значение (Bedeutung), но лишь его содержательное “что”. О его составе я знаю только в значимом смысле (geltenden Sinn)» [Heidegger 1978, 166]. Критика теории представлений как истока значений и вытекающего отсюда психологизма в логике в ранних работах Хайдеггера продолжает развитие проблематики феноменологии «Логических исследований» Гуссерля, при этом разграничение сфер логического, психологического и метафизического во многом совпадает с тем, как Ласк разметил предметные области, где философии отведено место региональной науки о значениях.

Несколько ниже Хайдеггер также рассуждает о субстанциальности предметов, их «идентичности», которая выражается в высказываниях, в том числе в специфически логических истинностных суждениях. Он указывает на то, что при восприятии и суждении (о книге, лежащей напротив) сама данная в восприятии предметность не совпадает как с определенной пространством и временем вещью, так и с психическим событием, сопровождающим восприятие [Heidegger 1978, 169]. Как и Ласк, Хайдеггер разграничивает области следующим образом: «Должна быть еще одна форма действительности (Daseinsform) наряду со способами существования (Existenzarten) психического, физического и метафизического. Логце отыскал для нее в сокровищнице немецкого языка (Sprachschatz) решающее выражение: наряду с “есть” (das ist) имеется “значит” (das gilt)» [Heidegger 1978, 170]. Значимость, таким образом, является «формой действительности логического», она выражает собой способ «бытия» самого смысла [Heidegger 1978, 172].

Однако стоит также отметить резкую переориентацию в отношении к маркированию специфически логического измерения бытия значимостью в «Бытии и времени» – из «сокровища» немецкого языка она превращается в «слово идол» (Wortgötze) [Хайдеггер 1997, 156]. Онтологические основания значимости, указывает Хайдеггер, не прояснены, она – «мерцающее понятие» [Хайдеггер 1997, 156]. Хайдеггер более не видит в ней фундамента для концептуализации бытийного вопроса, ссылаясь на «онтологическую неясность» значимости [Хайдеггер 1997, 156]. Эта переориентация в общих чертах может быть объяснена осознанием того, что за философией значимости не может стоять никакая онтология субъекта. Для разработки бытийного вопроса в «Бытии и времени», напротив, центральной становится идея экзистенциальной аналитики. Пересмотру в целом подвергается логическая традиция, которая в качестве своего основания имеет исключительно формальное бытие возможного предмета вообще (formale Etwas-Sein). Логика, которая различает сферы действительного и значимого, не составляет в данном случае исключения. Теперь Хайдеггер полагает, что основное региональное деление философии может быть проведено только после требуемого укоренения «логики λόγος'а» в экзистенциальной аналитике, отличной от логики наличного [Heidegger 1967, 160].

Тем не менее для фундаментальной онтологии не утрачивает своей актуальности идея разработки собственных категорий философии, которая является также основной задачей логики философии Ласка. У Ласка задача концептуализации сферы «нечувственного» возникает из попытки своего рода деструкции предыдущей метафизической традиции, слепой к региональному разграничению сфер сущего и значимого и, следовательно, неспособной к выделению соответствующих рядов категорий. Метафизике в системе координат Ласка между тем отводится отдельный регион «сверхчувственного» и «сверхсущего», который при этом не выходит за пределы области

сущего – метафизика, согласно Ласку, по своему значению («мета-физика») является теорией сущего. Данный нелегитимный регион возникает при этом как результат гипостазирования логически значимого до сущего. Подобным же образом формулируется у Хайдеггера проблема забвения вопроса о бытии в метафизике, понятийный аппарат которой заточен под сферу сущего и не позволяет тематизировать смысл/истину бытия. Ласк, однако, для того чтобы осуществить переход от аристотелевских «категорий как предикатов сущего» к категориям значения, возобновляет проект логики Канта. В трансцендентальной логике он обнаруживает позитивные возможности для разработки конститутивных истин о специфически нечувственных предметах. В связи с этим С.Г. Кроуэлл отмечает, что Ласк преобразовывает трансцендентальную логику в «онтологию истины», которая у Ласка отмечена специальным термином – «алетеология»; эта «онтология истины», в свою очередь, состоит не в «рефлексии над возможностью познания, но в рефлексии над самой формально-онтологической структурой истины» [Crowell 2001, 39].

Хайдеггер также неоднократно указывал на близость Ласка к проблемам, разрабатываемым внутри феноменологии [Heidegger 1976, 28–29], [Хайдеггер 1997, 218]. Согласно Хайдеггеру, несмотря на то, что Ласк руководствовался философской программой неокантианства, преследующей скорее теоретико-познавательные цели, философия Ласка остается сущностно определенной самим «предметом» философии. Хайдеггер пишет, что Ласк «сознательно прорывается к философскому пониманию логики и при этом под давлением самого содержания неизбежно возвращается к онтологическим проблемам» [Хайдеггер 2001, 235]. Однако правомерен также вопрос о том, в какой мере Ласка можно отнести как к неокантианцам, так и к трансцендентальной традиции в целом. Критическая философия Канта, как известно, обосновывает возможность познания априори тем, что ограничивает сферу познаваемого сферой «сущего», то есть «чувственно-созерцаемой» данности, формальные условия явления которой рассматриваются Кантом в разделе трансцендентальной эстетики. Проект Ласка, в свою очередь, осуществляет пересмотр критицизма Канта, причем в схожем с феноменологией ключе. Если феноменология признает понимание «данности», зауженное на сферу чувственно-созерцаемого, искусственным, обосновывая «данность» категориальных форм в специфических созерцательных актах, и тем самым отходя от чисто семантического понимания категорий, то Ласк обращает внимание на то, что область «данного» не состоит исключительно из чувственного материала, но пронизана инородными ему «смыслами» и «ценностями». Согласно Ласку, требуется расширение области данного за счет значимого и обоснование категориальных форм, «материал» которых не принадлежит к области чувственно-созерцаемого.

Ядро «онтологической проблематики» Ласка поэтому следует искать в анализе «дотеоретического» уровня жизни. Можно сказать, что своего рода «фактичность» у Ласка заключена в сфере значимого, а именно она составляет его «нечувственный материал». «Нечувственное» представляет собой «сам предмет» вне его категориальной формы. Это глубинный уровень жизни, который проживается до всякой рефлексии и включает в себе исток многообразия значений языка (Bedeutungen), «ценностей» и всего того, что может облекаться в специфическую форму значимого. «Фактичность», которую обрисовывает Ласк, очевидно, не является «голой эмпирией в ее *factum brutum*» [Heidegger 1967, 135], так же как не является она и психическим переживанием. Субъективная сторона этого дорефлексивного опыта описывается Ласком в терминах специфической «преданности (Hingabe) нечувственному» [Ласк 2017, 133] и «самозабвения»: «Непосредственное переживание – это просто “жизнь” и забвение себя в нечувственном...» [Ласк 2017, 247]. Нереплексивное поведение, характеризующееся специфической поглощенностью нечувственным, таким образом, несмотря на то, что не отмечено соответствующей формой, которая бы приносила ясность в этот опыт, остается, согласно Ласку, «поведением в отношении к смыслу» [Ласк 2017, 248], в силу своей потенциальной возможности быть облеченным в ту или иную адекватную для него форму значимости. В этом несущем, «нечувственно-

значимом» «царстве», представленном в непосредственном опыте, в свою очередь, можно усмотреть прообраз концепции значимого мира у Хайдеггера.

Т. Кизиль полагает, что Ласк для Хайдеггера сыграл роль посредника между неокантианской традицией и феноменологией [Kisiel 1995^a, 35]. Ласк примечателен именно тем, что область значимого он осмысляет, как указывает Т. Кизиль, «не идеально и теоретически» – в отличие от других неокантианцев, – но в качестве «“трансцендентальной” области дотеоретических значений, проистекающих из самой жизни» [Ibid., 34]. Обращение Ласка к проблематике смысла, попытка описать генезис теоретического и выявить исток многообразия значений в непосредственном опыте, несомненно, роднит его учение с феноменологией. Т. Кизиль по этому поводу поясняет также: «Непосредственный опыт как то, неподдающееся упрощению, предельное, с которого феноменология начинается и которым заканчивается, не является иррациональностью (*surd*), хаосом чувств, но скорее представляет собой мировое срастание всех вещей (*concretion*), одновременно категориально заряженное (истина простого понимания) и структурированное интенционально» [Ibid., 35]. Учение Ласка о многообразии значений и феноменологическое учение об интенциональности, очевидно, находят свое отражение в представлении Хайдеггера о «категориально заряженной» реальности.

Более того, важно также отметить, что философское исследование, согласно Ласку, не исчерпывается специфическим теоретическим интересом, его мотивация зарождается в обозначенной выше преданности нечувственному: «Уже теоретически нетронутая жизнь, из сферы которой философия черпает свой материал, состоит в преданности нечувственному, смыслу, а следовательно, также и форме» [Ласк 2017, 250]. Эта «преданность нечувственному» также допускает развертывание аналогии с понятием заботы и его модификациями у Хайдеггера. Ближайшим аналогом, пожалуй, является то, что Хайдеггер обозначает как «близость» (*Vertrautheit*) миру – «свойскость с миром» в переводе В.В. Библихина. «Озабочение всегда уже есть, как оно есть, на основе свойскости с миром. В этой свойскости присутствие может потерять себя во внутримирно встречном и быть им захвачено» [Хайдеггер 1997, 76], – пишет Хайдеггер. Онтологическое *сопряжение* с миром, которое обретает форму “свойскости”, таит в себе две возможности: как утраты себя, так и истолкования своих собственных бытийных возможностей. Хайдеггер также указывает: «В чем присутствие таким способом всегда уже понимает, с тем оно исходно освоилось. Эта свойскость с миром не обязательно требует теоретической прозрачности конституирующих мир как мир отношений. Зато наоборот возможность эксплицитной онтологически-экзистенциальной интерпретации этих отношений основана в конститутивной для присутствия свойскости с миром» [Хайдеггер 1997, 86]. В «Бытии и времени» сфера непосредственного опыта представлена в анализе повседневности, цель которого, с одной стороны, состоит в том, чтобы показать, что *Dasein* еще до философского познания состоит в фактическом отношении к тому, что здесь обозначено как мир, с другой стороны, выявить мотивацию философского исследования, исток которого, – опыт мира, пролегающий в глубинном основании самой жизни и поддающийся экспликации философскими средствами.

Интересно, что в отношении генезиса понятия «мир» Т. Кизиль отсылает к ранним фрайбургским лекционным курсам Хайдеггера «К определению философии» (1919), где впервые появляется идиосинкразическое выражение «мир мирует» (*es weltet*). При этом эффект воздействия данного выражения на слушателей курса Т. Кизиль объясняет во многом тем, что оно было изобретено Хайдеггером по аналогии с узнаваемыми безличными немецкими предложениями типа: «*es gilt*», «*es soll*», «*es wertet*» и др. [Kisiel 1995^b, 223]. О мире как об истоке всех значений нельзя сказать, что он «есть», но он «дает, значит, мирует» [Ibid.]. Это замечание, в частности, указывает на тот факт, что к моменту начала работы над «Бытием и временем» для проблем, которые в ранних рукописях выражались в понятиях значимости, было выработано новое понятийное оформление, со своей стороны все еще сохраняющее связь со «значимостью» и «ценностью», успевшими уже войти в повсеместное употребление в философском языке того времени.

Центральной для фундаментальной онтологии идея мира по своей сути является собирательным титулом для всех конститутивных категорий. «Значимость» (*Bedeutung*) при этом описывается в трактате как структура мира, его формальный каркас. Однако специфичность формального характера «мирности» состоит в том, что, будучи структурой бытия, которое есть бытие *сущего*, она не теряет указания на содержательность этого сущего. Хайдеггер подчеркивает, что само сущее, которое составляет феноменальную почву мира, в структуре мира не только не «выпаривается», но, наоборот, впервые раскрывается в своем «субстанциальном по себе» (*an-sich*) [Heidegger 1967, 88]. Составляющая «конститутив мирности» значимость является тем, на основании чего раскрывается само сущее [Heidegger 1967, 88]. Раскрытие сущего в модусе как оно «есть само по себе», то есть в качестве феномена, в свою очередь, является идеальной целью практики феноменологического метода, суть которого состоит в выявлении особого рода предметности, конституирующей в фундированных актах категориального созерцания. Метод категориального созерцания, однако, в данном случае может быть дополнен сходным образом разрабатываемым Ласком принципом «материальной определенности», обеспечивающим многообразие логических форм и значений в его системе.

Этот принцип лежит в основании реализуемой Ласком стратегии разделения ролей рефлексивных и конститутивных, то есть предметных категорий, которое в «Логике философии» обладает не менее фундаментальным значением, чем деление предметной сферы вообще (*Inbegriff des Etwas*) на области сущего и значимого. Преимущество конститутивных категорий для построения своего рода региональной онтологии значимого, согласно Ласку, состоит в том, что они содержательны, они имеют дело с логикой «самих предметов», в то время как рефлексивные категории – с общими «генерально логическими феноменами», с предметом вообще. Рефлексивные категории по своей сути являются категориями формально-логическими. Их генеральный характер, в отличие от регионального характера конститутивных категорий, обеспечен тем, что они пронизывают собой – «паразитически» – все области, что возможно только как «рефлексивное обесцвечивание» предметного содержания, при котором уменьшается объем содержательного наполнения значений. Их универсальность, согласно Ласку, указывает на то, что они составляют лишь «логический минимум», а потому они не обладают потенциалом специфически философских категорий. Иную оценку рефлексивных категорий, однако, можно найти у Хайдеггера. Суть перехода от содержательных категорий, составляющих «значущий» контекст окружающего мира, к универсальным категориям, согласно Хайдеггеру, состоит в переключении от единичного к общему, что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о смысле данности вообще, то есть о том, что значит, что нечто вообще имеется [Heidegger 1987, 68].

Размышления Ласка, однако, явным образом обусловлены противопоставлением задачи построения генеральной теории предмета вообще и задачи по концептуализации региона значимого. Категории значимости, согласно Ласку, не могут быть сугубо логическими категориями, они должны носить предметно-дескриптивный характер, их роль в качестве логических категорий, соответственно, должна исчерпываться формальным указанием на свой «материал». Эти категории при мысленной экстракции из всего «материального» могут быть представлены в виде «чистых» форм, но при такой степени формализации, они определяются исключительно как сам момент отсылания. Логическая форма для значимости, согласно Ласку, составляет момент «значения-к». Ласк указывает: «...значимостное содержание не исполняет свой смысл в самом себе (*seinen Sinn nicht in sich selbst erfüllt*), не покоится в себе, не образует “мира” для себя, но как нуждающееся в прилегании к другому, ищущее себе восполнения, указывает за свои пределы, на некое чуждое ему вне-себя. Нет никакого значения, которое не было бы значением-касательно (*betreffs*), значением-относительно (*hinsichtlich*), значением-к (*Hingelten*); не существует никакого самодовлеющего... региона значимостных содержаний» [Lask 1923, 32].

Именно потому, что о значимой форме можно сказать лишь то, что она является «значением-к», она всегда бывает определена той предметностью, которая для нее конститутивна. Как указывает Ласк, «момент значимости» словно «окрашен в тона» его материала [Ласк 2017, 135]. Принцип материальной определенности формы представляет собой условие реализации многообразия категорий в структуре логического, при этом момент «материального», дающий наполнение форме, получает свое выражение в «значениях» (Bedeutungen), которые у Ласка представляют собой индивидуальные категории, фиксирующие нечувственный материал. Генезис значений описывается посредством первоотношения (Urverhältnis) формы и материи. Однако стоит отметить, что понимание категориального определения предмета в терминах формально-материальных отношений может несколько затемнять суть дела, отсылая к чуждой метафизической проблематике (см. главу «Категориальное оформление (Formung) не является реальным преобразованием предмета» [Husserl 1984, 714–716]). Тем не менее С.Г. Кроуэлл предлагает учитывать то, что отношение, в котором различаются форма и материя у Ласка является не «реальным», но чисто рефлексивным различием», поскольку «форма есть лишь “ясность”, “момент истины” самого материала» [Crowell 1992, 229].

У Ласка, таким образом, можно найти обоснование того, что философское познание мотивировано самим предметом. Как указывает Т. Кизиль, Ласк отходит от неокантианской телеологической модели познания, замещая ее принципом материальной определенности [Kisiel 1995^b, 221–222]. Философское познание, согласно Ласку, нацелено не на прояснение того, как функционирует мышление, но на сам предмет, в частности на познание исторической «данности», из которой философия должна черпать свой материал. Действительность, согласно Ласку, не служит условием для содержательной реализации «форм и норм» мышления, поскольку это ведет к субъективации и, как следствие, к психологизации предмета; напротив, мышление интенционально, оно сопряжено со своим предметом, специфической «ясностью о» которым оно является. В основании этой ясности у Ласка лежит представление о своего рода категориальном оформлении «нечувственного материала», для которого достижима смысловая определенность в собственном смысле этого слова.

В «Бытии и времени», в свою очередь, «теория значений» в своем конкретном виде представлена в анализе «окружающего мира» (Umwelt), от которого Хайдеггер переходит к анализу мирности мира (Welt). Здесь специфической несамостоятельностью обладает само сущее, структура бытия которого состоит в отсылании. Таким сущим, в частности, является «подручное» сущее, которое берется в качестве «отправного пункта» анализа. Хайдеггер пишет: «Бытие подручного обладает структурой отсыла (Verweisung), что значит, что оно само по себе обладает характером отсылания. Сущее открывается в виду того, на что оно как сущее, какое оно есть, отсылает» [Heidegger 1967, 83–84]. Для того чтобы показать, что отсылание составляет «онтологический фундамент» сущего, Хайдеггер выделяет в качестве основной черты «подручного» бытие-средством, а также обращает внимание на знаки, которые в повседневности могут функционировать не просто символически, но – если они опознаются беспрепятственно, – как само подручное сущее. Хайдеггер заостряет внимание на сложности устройства повседневности, конституированной знаками. Внутри мира знаками могут становиться как подручное, подобное «дорожным указателям», так и природные явления (см. «Отсылание и знак» [Хайдеггер 1997, 76–83]). Из всего подручного именно знаки играют приоритетную роль для понимания мира [Heidegger 1967, 81], они требуют феноменологического анализа, поскольку непосредственно указывают на исходный феномен отсылания сущего, кроме того, при правильной формализации знаковая структура может быть выявлена в качестве «характеристики вообще всего сущего» [ibid., 77].

При этом «субстанциальность» именно подручного сущего фиксируется у Хайдеггера специфическим термином «обстояние» (Bewandtnis), в переводе В.В. Бибикина – «имение дела», в переводе А.Г. Черныкова – «обстоятельства дела» [Хайдеггер 2001, 87].

Хайдеггер указывает, что к характеристике *бытия* подручного относится то, что с ним всегда «как-то обстоят дела» [Heidegger 1967, 84]. Термином «Bewandtnis» обозначается не что иное, как само бытие того сущего, которое не является Dasein – бытие подручного, встречающееся в мире всегда ввиду определенных обстоятельств дел, в которых это сущее может сообщить о себе. При этом сам термин «Bewandtnis» относится к концептуальным находкам Хайдеггера, которые он удачно адаптирует из философии значимости Ласка уже в диссертационных работах. У Ласка понятие «обстояние» выражает момент «категориальной затронутости», в свете которой сам предмет постигается объективно, будучи таким образом содержательно определен в своем материале. Ласк пишет, что «объективное обстояние *с чем-нибудь*» является «истиной in concreto», которая «потому требует, кроме своей собственной теоретической сущности, некоего нечего, *с чем* поистине и объективно так обстоит дело, что облачается в такую форму объективности» [Ласк 2017, 86].

В связи с этим не менее примечательным в фундаментальной онтологии является также производное отсюда понятие «совокупности обстоятельств дела» (Bewandtnis-ganzheit), которое, в отличие от экзистенциальной разомкнутости значимости (Bedeut-samkeit), является условием возможности для категориальной раскрытости сущего, несообразного Dasein. Совокупность обстоятельств дела, очевидно, включена в теперь уже модифицированную «сферу значимого», внутри которой может быть реализовано нечто вроде понимания бытия. Одним из достижений Хайдеггера является обоснование того, что понимание мира, соответственно, бытия сущего внутри мира находится в корреляции с возможностью понимания собственного бытия. Понимание, согласно Хайдеггеру, осуществляется как набрасывание сущего на его возможности, то есть на мир. Хайдеггер также указывает: «*В-чем* присутствие заранее понимает – в модусе отсылания себя, – есть то, *в-видах-чего* оно опережающе допускает сущему встретиться» [Хайдеггер 1997, 86]. Мир есть исходное «в-чем», куда Dasein само себя предварительно отсылает. Сущее, в основании которого лежит феномен отсылания, есть главным образом само сущее Dasein, что отражено в синонимичных у Хайдеггера понятиях трансценденции и экзистенции, в которых речь идет о движении само-набрасывания. Однако, подобно тому, как Dasein в «само-отсылающем понимании» набрасывает себя на мир как на возможную значимость, в понимании также набрасывается и сущее, чей «способ быть есть обстояние». Кроме того, сходным образом Хайдеггер тематизирует идею смысла, определяемую им в качестве «формального каркаса», который может быть содержательно реализован ввиду раскрытия бытия сущего внутри мира. Смысл теперь понимается в качестве экзистенциала Dasein, специфической разомкнутости Da. Хайдеггер указывает: «Смыслом обладает лишь Dasein, поскольку разомкнутость бытия-в-мире “заполнима” (erfüllbar) раскрываемым в нем сущим» [Heidegger 1967, 151]. Отдельно стоит отметить, что рассуждения о смысле у Хайдеггера и логической ясности у Ласка сопровождаются характерными выражениями иллюминации: «просвечивания» и «освещенности» материала у Ласка, у Хайдеггера же – образным выражением о lumen naturale, которое онтологически означает разомкнутость Da, являющуюся самим «просветом» [Хайдеггер 1997, 133].

Таким образом, у Хайдеггера генезис значений описывается посредством понимающего отсылания, в котором сущее получает свое значение в наброске на целокупную значимость мира, являющегося нередуцируемым, исходным феноменом анализа. Добываемая понятийность при этом, согласно Хайдеггеру, должна производиться сообразно «бытийному образу» и типу самого набрасываемого сущего. Отсюда можно также заключить, что возможности для наращивания философской понятийности в фундаментальной онтологии сущностно обусловлены зависимостью от разомкнутости мира и раскрытости сущего внутри мира. Бытие в онтологии Хайдеггера, определенно, не является пустым системным понятием, его понятийность обусловлена историческим измерением философии. Феноменологический анализ структуры интенциональности составляет ядро онтологии Хайдеггера, концептуальная разработка которой начинается с допущения идеи интенциональной сопряженности области мыслимого и исторической «полноты» (Fülle).

Данный вывод может быть распространен на логику философии Ласка лишь отчасти, поскольку Ласк не проблематизирует идею «данности» «нечувственного» материала. Это потребовало бы анализа исходного опыта, в котором представлен «нечувственный» материал. Ласк, однако, не придавал большого значения подобному анализу, потому как относил его скорее к области исследования субъективных психологических процессов. Достаточным основанием для концептуализации философии, согласно Ласку, является логическая объективность – а следовательно, и интерсубъективность, – понятия значимости (*Geltung*). Вместе с тем он осуществляет попытку построения региональной онтологии значимого, стремясь пробиться к облеченному в форму значимого предмету – «нечувственному материалу». В заключении диссертационной работы (1915) Хайдеггер, дает следующую оценку этой попытке: «Однако, оставаясь внутри логической сферы смысла и смысловой структуры окончательное прояснение вопроса получить нельзя. В лучшем случае можно прийти к возведению в степень (многоступенчатое учение Ласка о формах), которое несомненно обладает важным значением для освещения структурной множественности самого логического, но которое, однако, еще более запутывает проблему дифференцирующей значения функции материала и перемещает ее в новую область, не принимая в достаточной степени в расчет фундаментальное различие чувственного и нечувственного материала» [Heidegger 1978, 405].

Проблема, таким образом, состоит в отсутствии у Ласка учения об интенциональности, требуемого для фундирования категорий, которые в противном случае остаются исключительно в области семантики категорий. Нечто подобное феноменологической доктрине «фундирования», однако, описывается Ласком в его теории этажей для логических форм, где «фундирующим» уровнем является сфера чувственно-созерцаемого, а ее формальное содержание, как и надстраивающееся над ней значимое содержание, становятся «материалом» на следующем уровне категоризации. Категории значения, в свою очередь, на следующем уровне также становятся «материалом» для новых категорий – логических форм для самих форм. Аналог феноменологического учения о фундировании в учении Ласка об этажах для форм пытается усмотреть также С.Г. Кроуэлл [Crowell 2001, 61]. Однако концептуализация философского исследования за счет выстраивания форм для самих категорий значения скорее является «возведением в степень» логического содержания. Стоит учитывать, что ведущей идеей для Ласка является создание именно логики философии, которая включала бы в себя также систематику философских категорий. Тем не менее философия Ласка не является чисто логическим проектом, поскольку ее категории (категории первого ряда) предметно-содержательны, что описывается Ласком посредством принципа материальной определенности, который лежит в основании его «теории значений», в пользу чего, в частности, свидетельствует освоение проблематики и понятийной структуры логики философии Ласка фундаментальной онтологией Хайдеггера.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Ласк 2017 – Ласк Э. Логика философии и учение о категориях. М: Канон+, 2017 (Lask, Emil, *Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre*, Russian Translation).

Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997 (Heidegger, Martin, *Sein und Zeit*, Russian Translation).

Хайдеггер – Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001 (Heidegger, Martin, *Die Grundprobleme der Phänomenologie*, Russian Translation).

Heidegger, Martin (1987) *Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.

Heidegger, Martin (1978) *Die Kategorien- und Bedeutungslehre des Duns Scotus*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.

Heidegger, Martin (1978) *Die Lehre vom Urteil im Psychologismus. Ein kritisch-positiver Beitrag zur Logik*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.

Heidegger, Martin (1976) *Logik. Die Frage nach der Wahrheit*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main.

Heidegger, Martin (1967) *Sein und Zeit*, Max Niemeyer, Tübingen.

Husserl, Edmund (1984) *Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis*, Springer Netherlands, Dordrecht.

Lask, Emil (1923) "Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre", Lask, Emil, *Gesammelte Schriften*, Bd. 2, Mohr, Tübingen.

References

Crowell, Steven G. (2001) *Emil Lask: Aletheiology as Ontology*, Northwestern University Press, Evanston (IL), pp. 37–56.

Crowell, Steven G. (2001) *Husserl, Lask, and the Idea of Transcendental Logic*, Northwestern University Press, Evanston (IL), pp. 56–76.

Crowell, Steven G. (1992) "Lask, Heidegger, and the Homelessness of Logic", *Journal of the British Society for Phenomenology*, Vol. 23 (3), pp. 222–39.

Fehér, István M. (1992) "Lask, Lukács, Heidegger: The Problem of Irrationality and the Theory of Categories", *History of Philosophy* (Routledge), Vol. 2, pp. 373–405.

Kisiel, Theodore (1995) *The Genesis of Heidegger's "Being and Time"*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London.

Kisiel, Theodore (1995) "Why Students of Heidegger Will Have to Read Emil Lask", *Man and World*, Vol. 28 (3), pp. 197–240.

Сведения об авторе

МЕЛЬНИКОВА Екатерина Васильевна – аспирантка аспирантской школы по философским наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author's Information

MELNIKOVA Ekaterina V. – PhD Student of Doctoral School of Philosophy at the National Research University Higher School of Economics.